

К вопросу о русско-сербских отношениях в начале 1920-х годов. Из истории семьи И.Г. Грицкат-Радулович

Подготовка и публикация данной работы тематически связаны и практически совпадают сразу с двумя юбилейными датами: в 2019 г. исполнилось 100 лет с начала формирования российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС), а на 2022 год приходится 100-летний юбилей Ирины Георгиевны Грицкат-Радулович — известного сербского ученого-лингвиста, видного представителя среди потомков русских эмигрантов.

В качестве эпиграфа к исследованию приведем слова самой Ирины Георгиевны, об истории семьи которой и пойдет далее речь:

«Мне ли писать о русской эмиграции, когда о ней столько уже написано, и написано людьми, обладавшими самыми обширными знаниями и сведениями, каких у меня вовсе нет!

Всё же: хочется рассказать кое о чём, придерживаясь точки зрения моих родителей, придерживаясь собственного миропонимания, собственной памяти. Хочется рассказать то частное, что способствует воспроизведению тогдашней, навсегда исчезнувшей обстановки; и рассказать в том тоне и стиле, который был присущ нашей семье»¹.

Действительно, по истории русско-сербских или сербско-русских отношений, в XX веке в частности, существует большое число исследований. Равно как имеется много различных работ о русской эмиграции в Королевстве СХС (с 1929 г. — Королевстве Югославия) в межвоенный период, которая является уникальным явлением в истории взаимоотношений сербов и русских²².

Вместе с тем о ней еще не всё сказано. Исторические события и явления, как и картина эпохи в целом, складываются из жизней отдельных людей. Основная идея нашей работы — взглянуть на отношения русских и сербов через историю семьи Грицкат в Королевстве СХС в начале 1920-х годов и попытаться показать, каким образом жизнь этих конкретных людей оказывалась втянутой в события эпохи и как эти события воплощались в ней; как в частной, повседневной жизни семьи Грицкат на личном уровне возникали и складывались отношения представителей двух стран и двух народов, когда один обретал на югославянской/сербской земле свое место и, быть может, «вторую родину», а другой получал новые силы и возможности для развития; и отметить сопровождавшие эти отношения очарования и разочарования, имевшее место предшествующее знание или незнание друг о друге, столкновение с реальностью, изучение и принятие других и себя в новых для всех обстоятельствах³.

Приступая к заявленной теме, заметим, что мы не претендуем здесь на полноту и завершенность ее раскрытия, вполне осознавая имеющиеся сложности, связанные как с ограниченной доступностью для нас в данный момент источников и историографии для исследования, находящихся, в частности, в Сербии, так и с собственной субъективностью, также влияющей на отбор материала, его изложение и интерпретацию.

Настоящая работа является началом в изучении истории семьи Грицкат, предполагающим дальнейшие уточнения и дополнения. Источниковой основой для нее стала еще полностью не опубликованная книга мемуарного характера Ирины Георгиевны Грицкат под названием «На зарубежной родине»⁴. Надеемся, что со временем у нас будет возможность ознакомиться и с другими материалами из «русской» части личного архива этой семьи, бережно сохраняемой Алексеем Борисовичем Арсеньевым, знавшим Ирину Георгиевну лично и неоднократно о ней писавшим⁵, а также любезно предоставившим рукопись книги нашим коллегам — Андрею Леонидовичу Шемякину и Александру Александровичу Силкину, которые опубликовали ее фрагменты⁶. Добавим, что часть воспоминаний (в переводе автора) издана в Сербии⁷, а сербские ученые посвятили самой Ирине Георгиевне не одну работу⁸.

Прежде всего об авторе книги. Ирина Георгиевна Грицкат (в замужестве — Радулович*) родилась в Белграде 19 января 1922 г. в семье русских эмигрантов — Зинаиды Григорьевны и Георгия Георгиевича Грицкат (скончалась в Белграде 7 апреля 2009 г.). Окончила в 1932 г. Немецко-сербскую начальную школу, в 1940 г. — Вторую государственную женскую гимназию, а в 1949 г. — Философский факультет Белградского университета (группа сербскохорватского языка и южнославянских литератур). Затем по приглашению своего учителя, профессора Александра Белича, работала в Институте сербскохорватского языка Сербской академии наук и искусств (САНИ), в 1953 г. защитила докторскую диссертацию, с 1965 г. — научный советник Института. В 1969–1977 гг. (до выхода на пенсию) работала в Национальной библиотеке Сербии. В 1978 г. избрана членом-корреспондентом, в 1985 г. — действительным членом САНИ. С 1983 г. она являлась также членом-корреспондентом Словенской академии наук и искусств. Ирина Георгиевна известна и признана не только как лексикограф и историк сербскохорватского языка, но и как редактор, переводчик, педагог. Ее перу принадлежат научные труды, отдельные книги-монографии, эссе, поэтические произведения, переводы, рецензии, статьи в периодической печати, воспоминания⁹.

Говоря о характере и особенностях книги Ирины Георгиевны «На зарубежной родине», приведем фрагменты двух ее размышлений из «Вступления» о причинах и мотивах ее написания. (При том, что сначала говорится: «Ведь я решительно утверждаю, что у меня нет и никогда не было ни малейшего намерения опубликовать своё сочинение. Это было бы и негде, и вообще невозможно и незачем; да и давать рукопись на прочтение я собираюсь лишь немногим лицам»¹⁰.)

Первое: «Потому ли я пишу теперь, что с шести-семи лет я начала заносить на бумагу (помнится — ещё печатными буквами)

* И.Г. Грицкат была в браке с Георгием-Джорджем Радуловичем (1910, Црепая — 1980, Белград), инженером-электриком, с 1958 г. и до его смерти. Ранее, с 1951 г. — в браке с Бенедиктом Вирком (1921, Бердинье, Гуштань, Словения — около 1953), преподавателем люблянской гимназии (по сведениям из архива семьи Грицкат, находящегося у А.Б. Арсеньева). См.: *Марковић М.* Биобиблиографија академика Ирене Грицкат-Радуловић // *Јужнословенски филолог*. LXVI. У спомен на академика Ирину Грицкат. Београд, 2010. С. 52.

первые наброски о своей жизни, об окружавшем меня мире, чуть ли не о его мимолётности? Выводила ли я свои каракули в каком-то смутном и в то же время неудержимом порыве сделаться летописцем своего времени, своей семьи и себя самой? <...>¹¹.

Второе — о том же стремлении сохранить память, свидетельства о времени и о себе, но относящиеся к периоду зрелости. А именно: «Или, может быть, я писала и пишу всё это потому (такое побуждение относится уже к позднейшим годам, к упорству в переработке и перепечатке), что мне показалось — очень суетный помысел! — будто кому-нибудь станет интересно, как росла и развивалась русская девочка, девушка, приверженная двум родинам, носительница двух родных языков и двух культур? Каким способом формировалась русская личность, которой позже не совсем заслуженно (ибо без энтузиазма к собственному труду) посчастливилось сделаться членом двух югославских академий наук и попасть в югославские энциклопедии — одна из последних могикан послереволюционной эмиграции и поколения пока ещё чистокровных эмигрантских детей, которая внесла не самую маленькую лепту в научную жизнь своей родной Югославии? Сейчас пока я пишу эти слова, уже немного нас, последних. <...>¹².

Далее имеются и авторские уточнения, пояснения о стиле и сущности, существовании собственного письма, которые мы также считаем важным — хотя бы частично — привести. «В дальнейших главах всё будет правда, но не везде фотографическая. Некоторые имена и названия переменены, некоторые не переменены. Тут и там стиль сбивается на беллетристику. <...>», — писала Ирина Георгиевна¹³. И ниже: «Однако я не стараюсь передать лишь то, что было. Я стремлюсь передать себя, исключительно для своего удовольствия — а другой вопрос, удаётся ли это. “Себя” — это значит маленький кусочек России в душе, среди белградской жизни, канцелящины, Академии наук, сербохорватистики, поездок по югославским дорогам; “себя” — это в данном случае значит русифицирование той окраски, тех привкусов и призвуков, которые остались от прожитого. Я не перерассказываю жизнь, это было бы даже мне самой неинтересно; я её теперь пересоздаю такой, какой она мне видится, и за эту теперешнюю визу я плачу ценою маленькой неправдоподобности в некоторых час-

тях повествования. За всякое удовольствие мы платим, заходим иногда на неправильные тропы. Избранная здесь мною тропа немного непригодна именно тем, что я создаю и не документацию, и не роман. Написанное — гибрид. Писать документацию мешает “артистическая натура”, писать роман мешает нехватка необходимой для этого искры божьей.

И дальше: хоть и глядя на многое, как на целую толщу, я всегда была намерена описывать лишь отдельные пласты этой толщи, те пласты и в том освещении, как это соответствовало моему умению — частично анекдотически, или даже юмористически, частично патетически. <...>¹⁴.

Получается, что перед нами во многом очень личное произведение, личная история и свидетельства о времени, эпохе, о себе и своей жизни, по-видимому, изначально не предназначавшиеся для широкого круга читателей. Воспоминания фиксировались Ириной Георгиевной с раннего времени, затем они «писательски» ею перерабатывались и дополнялись новыми в течение многих лет¹⁵. В конце рукописи указан 1984 год; предполагаем, что окончательную форму книга могла обретать в течение нескольких предшествовавших этому лет.

Несколько необходимых замечаний и относительно содержания той части книги, на которую мы во многом опираемся¹⁶. Первое про ее источники. Книга начинается с рассказа о событиях, свидетелем которых Ирина Георгиевна не была, — о жизни ее родителей в Российской империи, эмиграции в 1920 г. и первых годах в Королевстве СХС. В основе этого рассказа, в частности — сохранившийся дневник ее матери и ее впечатления, запомненные дочерью, «кое-какие деловые бумаги» и письма родителей. «Я попытаюсь рассказать о начале их югославской жизни главным образом со слов моей матери и по её дневнику», — писала Ирина Георгиевна¹⁷.

Важно, что, сообщая об этом намерении, она далее замечала о тоне изложения следующее: «Однако вполне сознаю, что мой рассказ не может по стилю соответствовать тогдашним настроениям русских эмигрантов. Моя мать, вообще говоря, была здоровой натурой, не лишённой наблюдательского таланта, а в течение долгих благополучных лет нашей семейной жизни в Белграде

она к тому же придавала своим повествованиям о первых годах за границей спокойный, непредвзятый и подчас даже юмористический тон»¹⁸.

И ниже Ирина Георгиевна добавляла о двух особенностях текста, которые, по ее мнению, не снижали его достоверности: «<...> обрисовывая первые впечатления, встречи и разговоры с сербскими знакомыми, она несознательно или сознательно влагала в уста тогдашних собеседников то, что, может быть, слышала лишь позже, от других сербских друзей. <...> С другой стороны, может быть, и я сама теперь приписываю ей кое-что из того, что слышала не от неё. Думаю, что этим не портится ни достоверность самих перерассказанных таким образом фактов, ни подлинное изображение моей матери, с её настроениями тех лет»¹⁹.

Еще одно замечание касается социальной принадлежности, взглядов и настроений Ирины Георгиевны и ее родителей, о ком пойдет далее речь и чьи представления, в частности об окружавшей их действительности, переданы в тексте.

Сами родители Ирины Георгиевны определяли себя как «идеологических», «политических» эмигрантов и «пролетариев» (т.е. квалифицированных работников). «Родители всегда потом говорили, что приехали в Югославию как настоящие пролетарии и что они уже на своей родине добывали кусок хлеба собственным трудом. Конечно, они являлись идеологическими эмигрантами. Они называли себя именно эмигрантами, а не беженцами, потому что, по их уверениям, им было от чего эмигрировать, но не было от чего бежать, не считая царившего на их родине в первое время бесправия, разгула и серизны», — вспоминала Ирина Георгиевна²⁰. (Думается, вместе с тем, что в первое время вне родины они всё же являлись беженцами.)

При этом, по словам автора, ее «мать сравнительно быстро сделалась настоящей сербской и югославской патриоткой, и поэтому стиль её рассказов, который я улавливала, подрастая, был отнюдь не беженский»²¹. Со временем новая страна стала для семьи Грицкат любимой, а об их взглядах и настроениях Ирина Георгиевна рассказывала так: «Мои родители полюбили Белград, потом Сербию, потом Югославию. Такой их совсем искренней, подразумеваемой любовью я объясняю тот факт, что взгляды и

склонности у нас в семье в этом отношении всегда как бы легонько тянулись за взглядами и склонностями тех сербских кругов, в которых родители вращались. Отец и мать почти во всём, что касалось политики или истории, разделяли чувства белградской интеллигенции, тех так называемых мелких и крупных буржуев, дети которых учились у матери роялю, инженеров и их жён с отцовской службы, наших квартирных хозяев, соседей, моих крёстных родителей, милых знакомых с летних каникул и тому подобных. Родители любили югославскую королевскую семью — хоть и не так уж пламенно, как некоторые другие русские, без экзальтаций. <...>²². «Самыми верноподданическими чувствами из нас троих отличалась, конечно, я», — читаем ниже²³.

Добавим еще несколько фактов о родителях Ирины Георгиевны, начав с ее слов из «Вступления»: «И родители оказались тоже немного двойственные. Хоть оба они и чувствовали себя совершенно русскими, но отец мой был и по крови, и по крещению не русского происхождения, и не русской веры²⁴, а в жилах матери текла, вероятно, помимо русской, и польская кровь. Важнее же было то, что они являли собою представителей двух совсем различных духовных укладов. Отец стоял бы, скажем, ближе к старым западникам, мать к славянофилам. Отец был олицетворением интеллектуального взгляда на жизнь, тогда как мать была художественной натурой. Отец старался знать, а мать верила; отец считал себя близким к буддизму, мать к православии. Если позволят мне представить их посредством музыки, то скажу, что мой отец звучал как песня варяжского гостя, а мать как песня индийского»²⁵.

Мама Ирины Георгиевны, Зинаида Григорьевна (урожденная Черникова; 19.04.1889–2.07.1963), родилась и жила в Крыму (в Керчи). Позже перебралась в Петербург, окончила консерваторию по классу фортепиано, была пианисткой и преподавала (в частности, недолго и в Смольном институте благородных девиц). Во время учебы она познакомилась с петербуржцем Георгием Георгиевичем Грицкат (27.10.1887–18.02.1957), в будущем инженером, выпускником Института инженеров путей сообщения. Они почти одновременно завершили высшее образование и летом 1914 г. обвенчались. Затем пережили Первую мировую

войну (Георгий Георгиевич служил, был награжден; Зинаиде Григорьевне «иногда удавалось находиться при муже») и революцию. Гражданская война настигла их, когда они оказались на Украине, откуда и эмигрировали. На момент отъезда в 1920 г. Зинаиде Григорьевне было 30 лет, а Георгию Георгиевичу — 32²⁶.

Итак. Как, в каких обстоятельствах началась жизнь четы Грицкат на югославянской/сербской земле? Первой в Королевство СХС прибыла Зинаида Григорьевна, эвакуировавшаяся из Новороссийска в конце февраля 1920 г. Георгий Георгиевич покинул Россию позже, встретились они в июле 1920 г. уже в Белграде.

«Мои родители, следовательно, оказались в числе тех “белоэмигрантов”, которые прибыли в Сербию прежде большинства остальных», — отмечала Ирина Георгиевна²⁷.

С чем они приехали? По словам дочери, вещей у них было немного: «Отец и мать эмигрировали со своими документами, с пачками семейных фотографий, вырезок и писем; отец — с одним баулом из потрескавшейся кожи, к которому была слабо приделана жестяная ручка и в котором, помимо белья и одних брюк, были упрятаны хорошие сапоги; мать — с сундучком, где у неё хранились две блузки, немного бельевых принадлежностей, евангелие, большие ножницы с изображением святителя под одним из прохватов*, чёрная помада для бровей и дневник. На шее у неё была золотая цепочка с лорнетом, на руке бабушкина браслетка, на пальце обручальное кольцо. У отца даже не было обручального кольца, так как он потерял его ещё в России. Были и бумажные деньги, и купоны государственной четырёхпроцентной ренты, которые я показываю моим знакомым ради курьёза»²⁸.

Однако в личном багаже родителей были образование, опыт самостоятельной и своим трудом жизни и некоторые жизненные убеждения, которые помогли им довольно скоро адаптироваться, найти свое место в новой стране и были переданы дочери. Одно из них — представление о безусловной ценности образования. «Лозунгом в нашей семье, — вспоминала Ирина Георгиевна, —

* Прохватывать — хватать насквозь, пронять, пропороть. Предположительно, в данном случае «прохват» означает отверстие для пальцев.

было всегда: учиться, учиться; вот и мы не привезли из России почти ничего кроме наших знаний, наших дипломов, но благодаря этому мы так скоро стали на ноги; учись, Ириша, ты не знаешь, что тебя в жизни ждёт, и сколько мы ещё сможем протянуть — ведь и мы не могли представить себе нашего будущего»²⁹.

Другими основами были стремление к самостоятельности и независимости и признание важности, необходимости работы по профессии и достижения всего собственным трудом. А трудились они еще в России. Так, во время учебы в Петербурге Зинаида Григорьевна начала следовать «напутствию», «благословию» своей бабушки — «не кланяюсь богачу, свою рожь молочу»³⁰ : сопровождала на концертах и преподавала. А про начало ее самостоятельной жизни читаем следующее: «В Петербурге я зажила скромно в материальном отношении, но весело, и в первый раз без обиды в душе, как самостоятельная девушка, а не как золушка. Жила я у квартирных хозяек, по темным закуткам и мансардам. Видно — уже тогда подготавливала меня судьба к моей будущей пролетарской жизни. Я выучилась растапливать печку, жарить яичницу, экономить деньги: всё это позже еще как пригодилось. Никогда не могла представить себе праздной жизни»³¹.

Кроме того, в числе твердых правил, которым руководилась молодая семья в контактах с новым окружением, были уважение и признание первенства традиций и культуры народов и страны, где привелось жить, что на практике воплощалось в следовании принципу «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». К новому же, добавим, скоро обнаружились у четы Грицкат искренний интерес и приязнь.

С чем столкнулись они по приезду? Какой была первая встреча? В книге об этом говорится при описании первых месяцев жизни Зинаиды Григорьевны в Королевстве СХС. А именно: сначала она и ее приятельница Ксения в числе других эмигрантов прибыли «в захолустье Куманово, в тогдашнюю так называемую Южную Сербию. Они оказались вдруг в тихой стране тополей и каменных оград, голубятен и мечетей. Настроение здесь было мирное»³². В то же время «кое-где, в особенности на железнодорожной станции, ещё были заметны следы военного разгрома, расписание поездов не было установлено»³³.

Далее читаем и о первой встрече: «Когда их высадили на вокзальчике, мать с Ксенией, за неимением скамейки, уселись на подножке товарного вагона и принялись горько плакать. Вокруг них потихоньку собиралась толпа любопытных. Толстая баба, совершенная статуя, стояла неподвижно, с непроницаемым чёрным квадратом вместо лица и с густыми скибками* шаровар. Рядом с нею переминалась с ноги на ногу девочка, тоже в шароварчиках от пояса до пят: девочка была похожа на грибок. Мать — из любопытства, равно как и от ужаса — подняла взор, хотела пристальнее взглядеться в безликую статую и поднесла к заплаканным глазам висевший у неё на цепочке лорнет. Фигура-негатив слегка шарахнулась, дав понять, что всё время наблюдала за прибывшими через своё густотканное забрало. Девочка взвизгнула при виде второй пары глаз. Вокруг плакавших стягивалось кольцо пытливых. Обе стороны пугались друг друга, но и лорнет, и чадра возбуждали интерес.

— Боже, боже, куда нас занесло! — всхлипывали молодые русские женщины»³⁴.

Как видим, несмотря на тяжелые переживания и страх, у Зинаиды Григорьевны сразу возник интерес к неизвестному месту, а ее «живость» и знание французского языка помогли начать осваиваться в новой среде, многое о которой постепенно узнавалось. Например, «что здесь живёт много славянского населения, принадлежащего к магометанству»³⁵, равно как и особенности жизни и быта другой — христианской — части жителей, с которой соприкасались переселенки.

В частности, уклад дома, куда их поселили, запомнился так: «<...> в хороших семействах, к каковым принадлежало семейство хозяев, жили по-гаремному, хотя и в единобрачии, так как были христианами. Женщины, то есть жена, незамужние сёстры, дочери, бабка, прислужницы, почти не выходили из дому и весь день просиживали на низких лавочках, греясь у мангала, или, сидя на корточках, кипятили воду для чёрного кофе, жарили еду, разваривали овечьи ноги. Муж в большинстве случаев ходил сам на рынок, присутствовал при торгачинах**, он же заведовал погребом, где хранились запасы, выдавал харчи на день, принося из

* Предположительно, речь здесь идет о складках или сборках шаровар.

** То есть при торгах.

подвала то что-то длинное и кровавое, то миску риса, то фасоль. Единственным позволенным развлечением вне дома являлась для женщин баня, куда они ходили в определённые дни целыми родовыми общинами, как древние римлянки в термы, и где сидели часами, беседа и парясь»³⁶.

Некоторые впечатления постепенно становились устойчивыми. К примеру, читаем: «В другой раз <...> водили их посмотреть на мусульманскую свадьбу. <...> Моя мать почувствовала себя так, словно переехала из своей северной российской столицы не в более западное по меридианам государство, а куда-то в обратную сторону, далеко и глубоко в “степи Средней Азии”, воспетые Бородиным*»³⁷. Восточное же, как по счастью оказалось, ей даже импонировало.

Другие начальные мнения — по мере узнавания югославянской, сербской действительности и традиций — признавались ошибочными. Подтверждение этому находим, например, в рассказе о приеме русских гостей у «местного прокурора, милого человека». А именно: «Хозяева приняли гостей чрезвычайно радушно. <...> Тут же при всех, чтобы гости были убеждены в его свежести, кофе варили и потом подавали в крошечных чашечках на узорчатом подносе. До того, как подать кофе, русских дам угостили вареньем. В вазочке лежали засахаренные куски арбузных корок, нечно незнакомое и до того восхитительное, что мать, ложку за ложкой, съела целую вазочку. Подобрал слова высшей деликатности, хозяева объяснили, что по сербскому образу действий надо взять один только раз, а затем отпить воды. Мать говорила, что потом не удивлялась больше ни величине кофейного прибора, ни откушиванию варенья. Она вспоминала русские самовары, русские варенья и потенья при чаепитиях и решила, что масштабы страны отражаются в масштабах гостеприимствования. А затем созналась, что была неправа: упомянутые кулинарные ухищрения хоть и подавались в малых дозах, зато ежедневной, вкусной и жирной пищей в некоторых сербских домах угощали её до паморочного** состояния»³⁸.

* Речь идет об опере А.П. Бородина «Князь Игорь».

** В данном случае означает — до обморочного состояния, до головокружения. (Паморок — временная потеря памяти, обморок. Паморока и паморка — временное беспмятство, умопомрачение. Памороки и паморки — головокружение.)

Вскоре появились у Зинаиды Григорьевны и первые знакомые, друзья среди сербов, отношения с которыми были продолжены впоследствии в Белграде³⁹. О начале дружбы с упомянутым прокурором и его супругой в книге рассказано в продолжение описания приема: «Жена прокурора с большим уважением предлагала всё приносимое также и своему супругу, но тот не брал, отговариваясь тем, что у него расстройство желудка. Несмотря на конфуз с вареньем и с расстройством, они сразу очень понравились друг другу. Мать уже тогда сговорилась с этой четой, что если всё окончится благополучно и поскольку она со своим мужем останется жить в Сербии, то прокурор сделается крёстным отцом её ребенка. Этот договор был позже соблюден»⁴⁰.

В доме «будущего кума» Зинаида Григорьевна познакомилась и с «преподавателем словесности, тоже будущим белградским жителем и нашим другом». Он помогал ей «при розысках мужа, а также и в деле перевода её в Белград, на место учительницы пения»⁴¹. Он же, уловив ее интерес к Сербии, «начал давать ей первые уроки на сербские темы» — с патриотизмом, любовью и гордостью, «но без примитивного бахвальства». «Надо полагать, — заключала Ирина Георгиевна, — что здесь-то и взяла начало исключительная приверженность моей матери к Сербии и к Югославии вообще»⁴².

А если задаться вопросом о том, что Зинаида Григорьевна знала о новой стране? Какое представление имела о ней ранее? Об этом в общем говорит следующий отрывок из книги: «Всё, что мать раньше знала о Сербии, — это был Дунай с притоками Савой да Моравой, затем города Белград и Ниш, король Пётр и министр Пашич. Кроме того, были однажды прочитаны слова Леонида Андреева*, давно забытые, но теперь снова вспомнившиеся, о Сербии, как о маленькой и плохонькой стране, о стране задорных людей и жалких неурядиц, игры в солдатики или чего-то в этом роде. А кто-то другой писал: “Арнауты и албанцы, молдоване, сербы, болгары...”. И Вронский в конце романа** ехал, кажется, в Сербию: к своему стыду, мать не помнила точ-

* Возможно, подразумевались его статьи (или одна из них) о Сербии: «Слово о Сербии» (1914), «Торгующим во храме» (1914).

** Речь о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

но, в Болгарию ли, или в Сербию. Моя мать тогда ещё точно не улавливала, в чём тут вышло дело после войны, с какими частями чужих государств объединилась Сербия в более обширное государство»⁴³.

С другой стороны, имелась у нее и готовность это исправить — узнать новую страну: «Но она всегда была любознательна, а теперь уж и поневоле приходилось быть таковой, ввиду всё более реальных очертаний её будущего»⁴⁴.

В то же время Зинаида Григорьевна всеми силами старалась найти своего мужа. В частности, «она дала объявление в “Русскую газету”, начавшую выходить в Белграде, через которую в то время люди главным образом и разыскивали друг друга. <...> Этот номер газеты отец получил и прочёл в Константинополе»⁴⁵. Некоторое время спустя связь между супругами восстановилась.

Уже в Куманово Зинаиде Григорьевне «удалось начать зарабатывать»: «Хотя во всём городе и было всего два рояля, но сыскались ученики, и она давала уроки, помня наказ мужа — немедленно становиться на свои ноги, да и незабвенный бабушкин завет молотить самой свою рожь»⁴⁶.

Она постепенно «свыкалась со своим новым положением, утверждаясь в мысли, что ей придётся прожить в Сербии еще довольно долго», узнавала и привязывалась к новой стране⁴⁷. В одном ее письме мужу в 1920 г. говорилось: «Среди сербов я встречаю так много ласки! Поверь — это моя вторая родина, она скоро станет и твоею. Никаких лагерей здесь нет. Здесь мы полноправные граждане страны. Встретили нас так радушно, как только могли. А сколько интересного, сколько экзотики вокруг! Мне понадобится много дней, чтобы всё тебе рассказать...»⁴⁸. «Отец в ответах касался почти исключительно своих хлопот о переезде и задержек с визой, финансов, незадач, случающихся с русскими в Турции, и своей тоски по жене», — продолжала Ирина Георгиевна⁴⁹.

Вскоре, в мае, при участии еще одного нового знакомого [социалист (или коммунист), «в то время член парламента»] Зинаида Григорьевна «получила службу в Белграде, в гимназии, где ей предстояло преподавать пение сербским девочкам, на сербском языке»⁵⁰.

Завершая рассказ о первых месяцах своей будущей матери на новом месте, Ирина Георгиевна отметила: «Благодаря очень удачному стечению обстоятельств в Куманове — благодаря незатейливому прокурору, редко умному преподавателю словесности и забавному политику — моя мать пошла по своему жизненному пути на чужбине без той занозы, которая крепко засела во многих беженских сердцах. Она подружилась с первыми знакомыми за рубежом так, как можно подружиться на даче с симпатичным соседом, с крестьянином, с продавцом: наблюдательски, отбрасывая пока все сравнения или оставляя их про себя. А кроме того — Восток не был ей чужд. Рождённая в Крыму, она особенно и не любила промозглого Петербурга, в котором потом жила, с его тонкими насмешками, баронами и туманами. <...>»⁵¹.

Именно, подчеркнем здесь, через личные отношения Зинаида Григорьевна привыкала и осваивалась в новой обстановке. Большую роль в успехе этого играли, конечно, ее собственная активность, природная любознательность и доброжелательность.

Благодаря ее стараниям по переведению мужа из Константинополя⁵², 10 июля 1920 г. супруги встретились в Белграде. А далее они должны были сделать выбор, который вставал перед всеми беженцами или эмигрантами, — как жить, куда двигаться дальше. «Несмотря на всякие думы и толки в русской колонии, молодая чета твёрдо постановила осесть в Белграде, — писала об этом Ирина Георгиевна. — Они вынесли заключение, что если им здесь и придётся туго, из-за мешанства, скуки и мелких дрызг, то всё-таки будет не хуже, чем в парижских ночных кафешантанах, где бы мать, наверно, поступила тапёршей, или в Берлине, где бы отец, предположим, сделался шофёром такси. Многих беженцев тянуло куда-то дальше. <...> У моих родителей не хватало ни желания снова передвигаться, ни энергии, ни денег. Здесь их не деклассировали, а это для них было главным». «И тот, и другой, — добавляла она, — после некоторого времени продолжали работать по своему призванию, в чинах, которые соответствовали их начальным службам в России»⁵³.

Это был их осознанный выбор, который помог им адаптироваться и интегрироваться в белградское, сербское общество. До определенной степени, конечно.

В их новой жизни, разумеется, не всё шло гладко — и в отношениях с людьми, и в быту. В Белграде, к примеру, «вначале не было интересных знакомств», жили они в «невзрачной мебелированной комнатке», хозяйку которой «у новых жильцов» «раздражало и возмущало незнание языка»⁵⁴.

Кроме того, отец Ирины Георгиевны «не сразу устроился в Белграде». Сначала «его послали за городок Голубац», где прокладывали дорогу, потом в Шабац. Будучи в Голубаце, он среди прочего писал жене: «Я не очень доволен ходом работ, и главное, системой работ: бестолково, безграмотно — даже русские иногда работают лучше, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и я со своими предложениями не лезу. Зато рабочие здесь золото, они проникнуты сознанием пользы этого дела»⁵⁵. Затем, по словам автора, «на первой инженерной службе в Белграде у отца бывали нелады с начальством. Платили неаккуратно, подчас шиканировали*, выказывали недоверие к его познаниям, приобретённым бог весть где, в каких-то там неизвестных школах»⁵⁶.

А когда мать Ирины Георгиевны «начала давать уроки музыки по домам», то в одном ее заподозрили в краже дешевого ожерелья. «На другой день, — читаем об этом далее, — туда явился отец и на прытком сербском языке, которому он к этому случаю накануне особо подучился, накричал замечательно. Мать перестала ходить туда»⁵⁷.

Надо сказать, что отмеченные сложности — насколько это было возможно — постепенно преодолевались. Сербский язык, в частности, четой Грицкат был вскоре освоен, что способствовало узнаванию и пониманию другого народа и культуры (к чему приходили не все эмигранты). Прилагались силы и к улучшению материальной стороны жизни — со временем Зинаида Григорьевна «начала давать уроки французского, чтобы улучшить карманные дела»⁵⁸, «купила новые матрасы» («хозяйкины полны клопов») и «приобрела примус»⁵⁹.

В итоге, как рассказывала Ирина Георгиевна, «они сравнительно очень скоро поправили и свои общественные позиции, и свои денежные дела. Летом 1921-го года мой отец даже послал

* Сербизм от «шиканирати» (сербск.) — придирается, причинять неприятности.

мать, как туристку, одну в Словению. Так началось наше семейное обожание этой страны»⁶⁰.

Параллельно узнавались Белград и провинция, уклад обычной жизни сербов и местные нравы, при описании которых, как и в рассказе о Куманово, мать и дочь Грицкат неоднократно обращали внимание на положение женщин и отношения между мужчинами и женщинами — темы (разумеется, не единственные!), вызывавшие их явный интерес. Приведем несколько примечательных воспоминаний-зарисовок. (Перекликающихся, к слову, по духу и иногда содержанию с тем, как описывали женщин в Сербии русские очевидцы, бывавшие или жившие там ранее⁶¹.)

«У большинства частных домиков, — читаем про Белград, — были глубокие задние сады, полные левкоев, желтофиоли, сирени, гиацинтов и сорных трав, с колодцами или насосиками. <...> Через поломанный забор родители видели однажды, как важный человек в феске сидит под раскидистым деревом, а женщина, очевидно, жена, моет ему ноги в огромном тазу»⁶².

Еще одно из впечатлений Зинаиды Григорьевны, переданное в письме подруге: «Женщины тут, правда, красивые, но немного иконописные, с византийскими лицами. Рабы мужей. У меня есть сослуживица, очень милая сербская дама. Так она, несмотря на строгость и резкость директора, почти каждое утро опаздывает на уроки и всё извиняется. Знаете, почему? Муж, видите ли, по утрам лежит в постели, и она должна каждое утро идти на базар за свежим мясом и подавать ему горячие котлетки в постель. Это его зарядка на день. А её зарядка — сбегать на рынок, изжарить и вдобавок выслушать замечания директора...»⁶³.

В Белграде возобновились контакты со знакомыми Зинаиды Григорьевны по Куманову. Из повествования об этом и в связи с затронутой выше темой выделим два фрагмента. Первый о семье прокурора: «Когда прокурор перебрался в Белград, стали часто бывать друг у друга в гостях. Его жену моя мать начала учить мелким женским хитростям. А именно, несчастная жаловалась матери, доверчиво и с удивительными подробностями, что муж слишком уж редко стал ласкать. Моя мать заставила её попробовать учиться пению, шить пёстрые платья, а не только серые, менять прическу. Озарившаяся жена начала было входить

во вкус, но муж, по-видимому, пригаркнул, или даже прибил, хоть она об этом и не распространялась. Платья вскоре опять пошли исключительно серые, на затылке воцарилась скромная дулька, и всякое пение прекратилось. Затем прокурор чем-то заболел и слёг, попал даже в больницу. Его жена простаивала под окнами больничной палаты с шести утра до десяти вечера, словно преданная собака, без всякой пользы и нужды»⁶⁴.

Второй сюжет — о «преподавателе словесности» и «социалисте», которые также приходили в гости к чете Грицкат. «Оба стали приводить своих жён (о которых так мало было речи в Куманове, про которых мужа попросту забывали), так что теперь сидели шестером, едва помещаясь в убогой комнатухе. <...> Потребности в смысле трапезы и комфорта были в силу обстоятельств очень сокращены, но беседы шли оживлённые. В них участвовали, конечно, только мои родители и сербские мужчины. Сербские жёны, во-первых, не знали французского языка, — хотя к тому времени отец с матерью уже начинали говорить по-сербски, — во-вторых, считалось неприкрытым, чтобы женщины вмешивались в дело не своего ума. Они лишь изредка обменивались тихими советами о способах соления капусты или о синьке для белья»⁶⁵.

Наблюдая и познавая окружавшую их действительность, супруги Грицкат пытались понять народ и страну, в которой они теперь жили. «Мои мать с отцом, — писала Ирина Георгиевна, — долго думали — какое бы определение дать стране, где заподозривают в краже жестяной безделушки, где жёны моют ноги мужьям, и где в то же самое время всем правительством, всем войском и всем народом уходят в эмиграцию, чтобы не сдать врагу. Примитивизм ли это, сочетающийся с усиленной ксенофобией? Но ведь русских приняли сердечно, народ, видимо, участливый. Родители не сразу находили правильные формулировки, многое думали и говорили о сербах — как и все их здешние соотечественники — многое из того, что не совсем соответствовало правде. Гораздо позже моя мать заметила:

– Необыкновенные эти сербы. Мелкие в мелком, великие в великом»⁶⁶.

Отметим, что в воспоминаниях имеются и другие наблюдения о сербах и их отношениях с русскими, а сама тема русской

эмиграции занимает в книге одно из центральных мест. Понимая, что в небольшой работе невозможно даже упомянуть все аспекты, добавим для полноты картины еще несколько воспоминаний и рассуждений о судьбах русских в Белграде и отношениях двух народов.

«Русских в Белграде было множество, — писала Ирина Георгиевна, — но большинство находилось в ожидании, в передвижении и не бросало якоря. <...> Ввиду непреодолимого страха перед будущим, в белградских русских кругах происходило большое количество бракосочетаний. <...> Помимо многочисленных русских комитетов, собраний, заседаний, союзов, столовых, закусочных заведений и бань, беженцы, понятно, встречались и по частным домам, скрепляя новые дружбы. Ночной жизни в эти первые послевоенные годы в Белграде не было, и если кто-нибудь поздно вечером бежал по пустынной улице, подгибая подол или стуча палкой, это почти наверное была русская душа. <...>»⁶⁷.

И далее: «Однако время шло, и по Сербии стала понемногу распространяться русская культура, вносимая либо тем, что русские зарабатывали ею на хлеб насущный, либо тем, что ею изливали свои таланты и восторги сердца. Нельзя забывать, что во время войн с 1912-го по 1918-ый год Сербия потеряла большой процент своей интеллигенции»⁶⁸.

О короле Александре Карагеоргиевиче* и русских читаем: «Бывший русский ученик Александр явно симпатизировал и покровительствовал русской эмиграции. Этого эмигранты не забывали, слух о нём распространялся, и по прошествии многих десятков лет от его смерти, в странах, лежащих за тысячи вёрст, у семейств, которые никогда не бывали в Югославии, можно было видеть его фотографии на стене, среди портретов убиенных Романовых. <...>»⁶⁹. Или: «Сербского, позже югославского короля Александра русские любили, потому что и он их любил. <...>»⁷⁰. (О гибели Александра в 1934 г. и прощании «с нашим королем» сохранились и воспоминания самой Ирины Георгиевны⁷¹.)

* Александр Карагеоргиевич (1888–1934) — регент-престолонаследник Королевства Сербия (1914–1918) и Королевства СХС (1918–1921); король сербов, хорватов и словенцев (1921–1929), король Югославии (1929–1934). Окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге.

Взгляды обеих сторон — русских и сербов — на эмиграцию представлены в следующем фрагменте — размышлении Ирины Георгиевны: «Многие говорили, что в Сербию переселилась душа старой России, и что русских нигде так тепло не встретили, как здесь; а здесь проживали в те времена король Александр, министр Пашич, секретарь Академии наук Белич. Некоторые из сербов сочли русских эмигрантов симпатичным и полезным для себя явлением. Иные же рассуждали, что вовсе не нужно было давать приют и хлеб надменным чужеземцам, когда собственные рабочие и крестьяне нередко голодают; незачем было ютить у себя белую русскую армию, с её бесчисленными генералами, с царскими знамёнами, с главнокомандующим Врангелем, незачем было тратить деньги на разные сиротские дома и корпуса, раз из них вылуплялись позже аферисты, кутилы... вслед за тем полицейские шпионы и гитлеровцы»⁷².

Главное убеждение всей семьи Грицкат о жизни русских в Югославии, подтверждающееся и в описании разных эмигрантских судеб в тексте, было таким: «<...> русская эмиграция жила в Югославии и хорошо и полезно, и достойно своих талантов и знаний, и плоховато и плохо, и грязно и комично, и даже подчас жалко. Но в этой стране меньше всего выпало на её долю оскорбления, меньше всего униженного, пошленького, тривиального, забулдыжно-кабацкого, постыдного прозябания. Поскольку русский человек здесь не наступал на мозоль местному человеку — а и местных ведь надо понять, бесчисленные захватчики боролись за их поля, судоходные реки и рудники — этого русского человека принимали в большинстве случаев как друга, даже уважали в нём более маститого знатока, если он таковым являлся. К политически не провинившимся русским эмигрантам хорошо отнеслись даже югославские коммунисты после Второй мировой войны»⁷³.

Для четы Грицкат первое время вне родины было, конечно, как и для подавляющего большинства беженцев/эмигрантов из России, временем выживания. Не для всех жизненные обстоятельства оборачивались благоприятно. Кто-то был ранен, слаб здоровьем, не смог пережить драму и травму исхода и беженства и т.д. Судьбы в итоге складывались по-разному, равно как и от-

ношения — в том числе и в кругах русских, в чем-то являясь тем не менее продолжением этой самой драмы.

Об этом Ирина Георгиевна, в частности, писала: «<...> Мои родители — инженер и преподавательница музыки — отнюдь не считались среди русских сливок общества. А жили здесь и старые, изувеченные, ни к какой работе не пригодные люди. Их вина состояла лишь в том, что они не хотели нарушать воинской, по их пониманию божественной присяги, или же, из чисто идеологических соображений, подумывали о походе против своей покинутой родины. <...> Здесь беспощадно ссорились между собой, разветвлялись и расщеплялись <...>. Всё это напоминало древнюю китайскую легенду о том, как воины, павшие на поле брани, ещё три дня продолжали битву на небесах, не будучи в силах поверить, что битва проиграна и окончена»⁷⁴.

С другой стороны, родители Ирины Георгиевны, по всей видимости, не стремились и не могли целиком влиться в «эмигрантскую среду». «Однако, несмотря на винты и иные приходы и сидения многочисленных гостей, запомнилось чувство нашего житья на каком-то собственном берегу, запомнилось наблюдательское отношение к окружающей нас жизни. Моим родителям был до того чужд малейший намёк на гуртовое начало, что они никак не могли полностью включиться ни в эмигрантскую среду, ни в сербскую, ни в правые, ни в левые течения», — писала Ирина Георгиевна⁷⁵.

И ниже: «<...> Получалось же так, что они отворачивались от многого <...>. Было не так уж много русских, которые бы совсем искренно нравились им, хотя бывали и такие. <...> Они обособились, хоть и не изолировались; продолжали быть настоящими русскими людьми, но не сделались специфическими русскими эмигрантами. <...>»⁷⁶.

Возвращаясь к началу жизни супругов Грицкат в новой стране, подчеркнем, что им посчастливилось обладать достаточными физическими и душевными силами, личными качествами и мотивацией, чтобы самосохраниться и продолжить жить. В письмах Зинаида Григорьевна делилась с подругой: «Не раз мы с мужем говорили о том, что революция безжалостно отмечает всё слабое, а оставляет сильное, приказывая применяться к обстоятельству»

вам. И мы причисляем себя к сильным, даже к счастливым. Ведь сколько разбитых и помешавшихся кругом! <...>»⁷⁷. И далее: «...Я бедности боюсь, беженщины, потери жизненных форм. Буду работать выше всех моих сил, чтобы только в доме было чисто, чтобы можно было купить книгу или съездить куда-нибудь. Буду всегда играть вальс только на рояле; умру, а не стану играть на гребёнке, на смех иностранцам...»⁷⁸.

А любимое ими дело, работа по профессии — разумеется, при участии в их судьбе окружавших их людей! — помогли им выжить. Об этом Зинаида Григорьевна писала подруге так: «В общем, мы сами себе сказали, что надо успокоиться. И это нам удаётся главным образом благодаря наличию повседневной довольно тяжёлой работы, умственной, да и физической. <...> Наша жизнь — жизнь квалифицированных рабочих. Живём в одной комнате, по утрам муж топит печь, чтобы согреть чай, да и нас самих, потом мы уходим на наши службы, вечером сходимся и опять растапливаем, читаем и заваливаемся спать в девять часов. И в такой жизни есть что-то удовлетворяющее. Раз уж выпало на нашу долю переживать ужасы войны и революции и быть политическими эмигрантами — то так всё-таки лучше. Муж определённо отдыхает от военных кошмаров и предаётся своему делу, которое, в конце концов, очень любит: водопроводное ведь дело одинаково во всякой почве. А я... я должна сознаться, что впервые после четырнадцатого года вспомнила, что есть на свете и радости, и иные интересы, кроме политики и вопросов пропитания. <...>»⁷⁹.

Со временем появилась у четы и возможность завести ребенка⁸⁰. И понимание того, как жить дальше, когда неизвестно, «предстоит ли или не предстоит возвращение в Россию». А именно: «Эмигрантское существование в Сербии сравнительно не так тяжело: здесь, в общем, не оскорбляют национального достоинства, может быть — думают, что бедные родственники приехали только на время. Но и они всегда будут стараться не оскорблять здешнего, хозяйского достоинства, постараются на всех своих будущих службах и должностях быть полезными, но оставаться в тени, удерживая чувство превосходства, очень явственное для них в мещанской среде... А пупсика (ребенка. — Ю.Л.) научат

отличать хорошее от плохого, будут учить его русской грамоте, музыке, языкам, дадут ему высшее образование!»⁸¹. Так впоследствии и произошло.

Георгий Георгиевич с 1922 г. работал в Белградском водопроводе, который ему со временем предложили возглавить, но он это отверг, объяснив свой отказ тем, что в стране, где он не хозяин, согласится быть только вторым — и стал его вице-директором. А Зинаида Григорьевна преподавала в музыкальных школах «Станкович» (1920–1948 гг.) и «Мокраяц» (1948–1954 гг.), вела частные уроки, писала статьи о музыке, читала лекции, выступала на радио⁸².

Родители Ирины Георгиевны много работали на благо семьи и «второй родины», уважали ее традиции, через некоторое время стали жить лучше и «перестали думать о возвращении в прошлое»⁸³. Они приняли и полюбили Белград, Сербию и Югославию, пройдя вместе с сербами «через все горнила испытаний», при всём этом оставаясь «настоящими русскими людьми», и передали свои настроения дочери.

«Почти всё, чем я позже была, вобрано было в семье, в первые двенадцать или четырнадцать лет жизни. Никакие школьные учителя, никакие университетские профессора не влияли на меня. Вся музыка, все мои ямбы и амфибрахии, политические убеждения, все отношения к людям, тяга к блужданиям и к горам, к раннему укладыванию в постель, равнодушие к качествам еды и питья, суеверия, сновидения...», — писала о своем «духовном развитии», «становлении» Ирина Георгиевна⁸⁴. А в другом месте заметила: «Да, родительские разговоры и занятия имели прямое отношение к моим одиноким исканиям в горах. Я лишь продолжала катить то, чему они дали толчок»⁸⁵.

И свою книгу Ирина Георгиевна посвятила именно им. «Что, если б снова родиться? Нет, я не хотела бы ещё раз прожить ту же жизнь. Мне хотелось бы новых ландшафтов, новой науки, новой любви, и лишь тех же самых мать и отца, памяти которых и посвящены эти страницы», — читаем мы в конце ее рукописи⁸⁶.

В заключение еще раз отметим, что в истории семьи И.Г. Грицкат опыт бытия русских эмигрантов в Королевстве СХС/Югославии — один из самых важных, а в ее книге тема русской эмиграции занимает одно из центральных мест. Мы лишь затронули отдельные ее сюжеты: историю переселения и повседневной жизни русских, проблему самоидентификации, вопрос об отношении к Сербии и о взаимоотношениях с сербами.

Как мы видели, немалую роль в проживании и переживании супругами Грицкат сложного опыта эмиграции, узнавании и освоении нового пространства и культуры играли их отношения с сербами, народом их новой родины, и искренняя симпатия к Сербии и сербам.

Примечания

- ¹ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине [Машинописная рукопись в двух частях (1984 г., 555 л.). Из личного архива А.Б. Арсеньева (г. Нови-Сад, Сербия)]. Л. 185.
- ² Общий обзор отечественных исследований по проблемам советско-югославских и русско-сербских отношений в межвоенный период уже делался нами. См.: *Лобачева Ю.В.* Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е годы. Историографический обзор // *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева.* Сб. статей / Отв. редактор С.И. Данченко. М., 2017. С. 389–407. В числе работ, опубликованных после 2017 г., назовем следующие: *Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)* / А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. Кн. 1–2. Белград, М., 2018; *Столетие двух эмиграций. 1919–2019.* Сборник статей / Редакционная коллегия: А.Ю. Тимофеев (отв. ред.), А.А. Силкин, В.С. Путятин, М. Живанович. М., Белград, 2019; *Никифоров К.В.* Особенности изучения русской эмиграции в Югославии // *Никифоров К.В.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. М., 2021. С. 62–75 и др.
- ³ Стоит заметить, что этот сюжет — проблемы взаимовосприятия и взаимопредставления в отношениях русских и сербов — уже продолжительное время является объектом исследовательского интереса. См., напр.: *Йованович М.* «Русской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высокое небо»: образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920–1940) // *Человек на Балканах глазами русских: сборник статей* / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 246–276; *Арсеньев А.Б.* Прибытие русских беженцев-эмигрантов в Королевство СХС: свидетельства // *Столетие двух эмиграций. 1919–2019.* М., Белград, 2019. С. 115–146; *Силкин А.А.* Образ Белграда и Сербии в сочинениях русских эмигрантов // *Славянские чтения: Сборник материалов международной конференции Института славянской культуры.* Вып. 1 (VI). М., 2019. С. 4–13; *Никифоров К.В.* Взгляд русских и сербов друг на друга // *Никифоров К.В.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. М., 2021. С. 30–61.
- ⁴ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине.

- ⁵ *Арсењев А. Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009) // Руски алманах. № 14. Земун, 2009. С. 136–144; Арсењев А.Б. Заметки о билингвизме Ирины Георгиевны Грицкат-Радулович // Русский язык как инославянский: современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Белград, 2010. С. 84–95; Он же. Ирена Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт // Српско-руски круг: Књижевно-уметнички алманах. 2019/2020; Српско-руски круг: Литературно-художественни алманах. 2019/2020. М., Белград, 2019. С. 441–445.*
- ⁶ *Шемякин А.Л., Силкин А.А. «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 419–461; Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства) / сост., введ., закл. ст. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. М., 2014. С. 511–550; Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944) // Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов. М.; Белград, 2017. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Авторы-составители: Алексей Тимофејев, Горан Милорадовић, Александр Силкин. С. 197–220, 236–241.*
- ⁷ *Грицкат-Радуловић И. У лебдивом ходу: сећања / Ирена Грицкат. Нови Сад, 1994. С. 260.*
- ⁸ См., напр., статьи в книге: Јужнословенски филолог. LXVI. У спомен на академика Ирину Грицкат. Београд, 2010 и др.
- ⁹ Подробнее об Ирине Георгиевне см.: *Арсењев А. Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009); Арсењев А. Ирена Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт. Также см.: Гортан-Премк Д. Ирена Грицкат-Радуловић — велики лексикограф и учитељ лексикографије // Јужнословенски филолог. LXVI. У спомен на академика Ирину Грицкат. Београд, 2010. С. 21–30; Драгићевић Р. Семантичка истраживања Ирине Грицкат // Там же. С. 31–49; Ивић М. Ирена Грицкат-Радуловић // Там же. С. 11–12; Марковић М. Биобиблиографија академика Ирине Грицкат-Радуловић // Там же С. 51–108.*
- ¹⁰ *Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 1.*
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 2.
- ¹³ Там же. Л. 6.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Подробнее об этом: Там же. Л. 1–2.
- ¹⁶ Там же. Л. 9–58. Большие фрагменты из текста, помещенного на листах 30–54, опубликованы в: *Шемякин А.Л., Силкин А.А. «Долой монархию! Да здравствует король Петр!»*. С. 419–461; *Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. С. 511–550.* Важно добавить, что существенные фрагменты рукописи, содержащие размышления и воспоминания самой Ирины Георгиевны, на которые мы также опираемся, цитируя их по оригинальному тексту, опубликованы в: *Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944) // Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов. С. 197–210.*
- ¹⁷ *Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 30.*
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.

- 21 Там же.
- 22 Там же. Л. 343.
- 23 Там же. Л. 344.
- 24 «Семейство отца было наполовину литовское, наполовину же состояло из обрусевших прибалтийских немцев» (Там же. Л. 9). По ее же словам, «он был протестантом в православной среде» (Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт. С. 444).
- 25 *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 5.
- 26 Подробнее о жизни родителей Ирины Георгиевны до эмиграции см.: *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 9–27. Также: *Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович (1922–2009)*. С. 138–140; *Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт. С. 442–444*; *Грицкат Зинаида Григорьевна (1889–1963) / Ирена Радуловић-Грицкат и Аница Васић // Биографски речник. Нови Сад, 2009. Књ. 3. С. 813.*
- 27 *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 30.
- 28 Там же.
- 29 Там же. Л. 265.
- 30 Там же. Л. 19.
- 31 Там же.
- 32 Там же. Л. 31.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же. Л. 34.
- 37 Там же.
- 38 Там же. Л. 35.
- 39 «Мать с Ксенией недолго пробыли в этом своём первом эмигрантском обиталище, но успели познакомиться с видными жителями Куманова и приобрести полезные связи», — писала Ирина Георгиевна (Там же).
- 40 Там же.
- 41 Там же. Л. 36.
- 42 Там же.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Там же. Л. 40.
- 47 Подробнее: Там же. Л. 37–42.
- 48 Там же. Л. 42.
- 49 Там же.
- 50 Там же. Л. 43.
- 51 Там же.
- 52 «В Белграде мать чуть ли не сразу добралась до товарища министра иностранных дел, в связи с вызволением мужа из Константинополя. Она ходатайствовала о том, чтобы была “положена резолюция” — как она выразилась в письме — о его вызове и о назначении на службу в министерстве строительства. К лету её предприимчивость увенчалась наконец успехом», — читаем об этом в книге (Там же. Л. 44).

- 53 Там же.
- 54 Там же. Л. 46.
- 55 Там же. Л. 47.
- 56 Там же. Л. 48.
- 57 Там же.
- 58 Там же. Л. 47.
- 59 Там же. Л. 48.
- 60 «Я считаю это первое путешествие, — писала Ирина Георгиевна, — самым отважным, самым передовым шагом всей их эмигрантской жизни. Откуда взялась такая бойкость, когда ещё почти никто из югославов ни в какие летние странствия не пускался, когда соединившиеся в одном Королевстве народы и не знали толком своих новых соотечественников и их краёв!» (Там же).
- 61 См., напр.: Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб., 2018; Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. Том III (сербские сочинения П.А. Ровинского). СПб.; М.: Нестор-История, 2019. Также: *Лобачева Ю.В.* Сербские женщины в путевых очерках П.А. Ровинского // Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачевой, А.Ю. Тимофеева. М.; СПб., 2020. С. 96–127.
- 62 *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 45.
- 63 Там же. Л. 54.
- 64 Там же. Л. 48–49.
- 65 Там же. Л. 49.
- 66 Там же. Л. 50.
- 67 Там же. Л. 51.
- 68 Там же. Л. 52.
- 69 Там же.
- 70 Там же. Л. 343.
- 71 Там же. Л. 347–350.
- 72 Там же. Л. 185.
- 73 Там же. Л. 260.
- 74 Там же. Л. 186–187.
- 75 Там же. Л. 112.
- 76 Там же.
- 77 Там же. Л. 54–55.
- 78 Там же. Л. 55.
- 79 Там же. Л. 54.
- 80 Там же. Л. 55.
- 81 Там же.
- 82 *Арсеньев А.* Ирина Грицкат-Радуловић (1922–2009). С. 139–140; *Арсеньев А.* Ирина Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт. С. 443; Грицкат Зинаида Григорьевна (1889–1963) / Ирина Радуловић-Грицкат и Аница Васић. С. 813. О профессиональной деятельности Зинаиды Григорьевны ее дочь вспоминала: «Моя мать и работала, и уставала больше, чем отец; подчас она прос-

то отуманивалась от работы за роялем. Долгие годы — это казалось навеки установившимся правилом — она почти с утра до вечера давала уроки по понедельникам и четвергам в музыкальном училище, по вторникам и пятницам на дому, а по средам и субботам ходила преподавать в частных, богатых и снобовских домах, где щедро платили за ничтожные успехи разнраженных девочек. Конечно, необходимо заметить, что в делах домашних она не несла почти никакой нагрузки, так как у нас всегда был кто-то, кто за хозяйку работал по дому». Кроме этого, «мать одно время публиковала статьи в белградских журналах, главным образом на темы о русской и, в частности, о советской музыке» (*Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 304).

⁸³ Из рассказа об их жизни около 1925/1926 г.: «Материальное положение родителей улучшалось с каждым годом. Работали они оба не жалея сил. Уже в то время они совершенно перестали думать о возвращении в прошлое, чем очень отличались от большинства русских эмигрантов. Несмотря на переутомление и тоску по маленькой дочке, которую по целым дням приходилось оставлять на чужих руках, они зимою сколачивали небольшую денюгу, а летом превращались в туристов и знакомились со страной, в которую забросила их судьба» (Там же. Л. 67).

⁸⁴ Там же. Л. 133. (Подробнее: Там же. Л. 98–133). К примеру, одно из ее воспоминаний: «Во всём воспитании и образовании, вообще во всём “становлении”, как это теперь говорят, а раньше не говорили — ненавязчиво, но неотъемлемо присутствовал ещё один факт: мы живём в Сербии, но мы — русские. <...> Всё кругом было сербское <...>. <...> и сам Белград был сербом, его нельзя было мыслить иначе. А наша жизнь — это русский остров в сербском море. В какой-то самой зачаточной форме вырабатывалось чувство, что влюбляться можно только в сербское, как в более отдалённое от себя, более непохожее, более увлекательное. Но любить возможно одно лишь русское, как своё. <...>» (Там же. Л. 107). С другой стороны, «родители не отдали меня в русские школы: ни в пригготовительную, ни в гимназию. <...> Родители также говорили, что не хотят делать из меня эмигрантку второго поколения» (Там же. Л. 191).

⁸⁵ Там же. Л. 552.

⁸⁶ Там же. Л. 555.